

- ⁶⁶ Соборный приговор 1551 г... С. 228.
- ⁶⁷ Библия 1499 года и Библия в синодальном переводе. Деяния Святых Апостолов. Послания Святых Апостолов Иакова, Петра, Иоанна, Иуды. Послания Святого Апостола Павла. Апокалипсис. Т. 8. М., 1992. С. 426–427.
- ⁶⁸ ПСРЛ. Т. 19. СПб., С. 205–206.
- ⁶⁹ Апокалипсис. XVI в. // ОР РГБ. Ф. 98. Д. 1844. Л. 7.
- ⁷⁰ ПСРЛ. Т. 20. Ч. 2. СПб., 1914. С. 559.
- ⁷¹ *Покровский Н.В.* Страшный суд в памятниках византийского и русского искусства. Одесса, 1887. С. 53.
- ⁷² «Семь Церквей. Крест-Церковь». Икона // Русская деревянная скульптура / Сост. Н.Н. Померанцев. С.И. Маленицын. М., 1994. С. 197. Ил. 140.
- ⁷³ *Горюстаев Ф.Ф.* Очерк древнего зодчества Москвы // Путеводитель по Москве, изданный Московским Архитектурным обществом для членов V съезда зодчих в Москве / Под ред. И.П. Машкова. М., 1913. С. LVI–LVIII.
- ⁷⁴ *Беляев Л.А.* Указ. раб. С. 126.
- ⁷⁵ ПСРЛ. Т. 29. М., 1965. С. 353.
- ⁷⁶ *Романов Г.А.* Крестные ходы в Москве во образ вселенского богослужения // Москва 850 лет // Кн. 1. М., 1996. С. 180.
- ⁷⁷ *Даль В.И.* Толковый словарь живого великорусского языка: Т. 1–4. М., 1989–1991. Т. 1. М., 1989. С. 324.
- ⁷⁸ *Баталов А.Л.* Гроб Господень в замысле «Святая Святых» Бориса Годунова // Иерусалим в русской культуре. М., 1994. С. 154–167.
- ⁷⁹ *Максим Грек.* Соч. Ч. 3. Казань, 1862. С. 281.
- ⁸⁰ Голубиная книга: Русские народные духовные стихи XI–XIX вв. М., 1991. С. 37–38.
- ⁸¹ *Иов, патриарх.* Повесть о житии царя Феодора Иоанновича // Памятники литературы Древней Руси. Т. 9. М., 1987. С. 88.
- ⁸² Библия 1499 года и Библия в синодальном переводе... С. 426–427.
- ⁸³ *Павлов А.* Указ. раб. С. 15.
- ⁸⁴ *Голубинский Е.Е.* История русской Церкви. Т. 2. Первая половина тома. М., 1900. С. 501.
- ⁸⁵ *Голубцов А.П.* Соборные чиновники и особенности службы по ним. С. 102.
- ⁸⁶ *Чиновник церковной о благовесте и о звону* // Чиновники Московского Успенского собора и выходы Патриарха Никона / Под ред. А.П. Голубцова. М., 1908. С. 195 и др.

G.A. Romanov. Seven Council Religious Procession Organization in Moscow in 16th c.

The author of the article notes the Landed Council of the Russian Orthodox Church passed a resolution of obligatory organization of Priests' Town Council. The beginning of Priests' Town Council was connected with the conducting of religious processions. On the basis of remained original sources the article determines the taking decisions sequence of Priests' Town Council.

© 1997 г., ЭО, № 5

Л.Н. Пушкарев

ФОЛЬКЛОРНЫЕ МОТИВЫ В ПОВЕСТЯХ XVII в. О НАЧАЛЕ МОСКВЫ

Проблема «Древнерусская литература и фольклор» – одна из наиболее разработанных¹. Почти все произведения древнерусской рукописной литературы – от «Слова о полку Игореве» и летописей до сатирических повестей конца XVII – начала XVIII в. – рассмотрены в их взаимосвязях с устным народным творчеством. С другой стороны, почти все фольклорные жанры – от былин и пословиц до сказок, песен и

причитаний – проанализированы в их взаимосвязях с соответствующими памятниками древнерусского рукописного наследия.

Это, конечно, не означает, что все уже сделано, открыто и изучено. О фольклорной основе некоторых произведений сказано бегло, вскользь, как о чем-то само собой разумеющемся. А между тем есть еще рукописные повести, заслуживающие более пристального внимания. Такова группа древнерусских повестей XVII в., посвященных теме основания Москвы. Они давно уже известны в науке. Историки XVIII в. восприняли их попервоначалу как исторические источники и были обескуражены наличием громадного числа вымышленных фактов, баснословных объяснений и литературных домыслов. В.Н. Татищев назвал эти повести «басней»². Н.М. Карамзин нашел в них «явные ошибки», совершенные «невеждою»³. Лишь известный филолог Ф.И. Буслаев первый оценил их с литературоведческой точки зрения, отметив, что они являются «любобытнейшими остатками старины»⁴. Уже в советское время повести обстоятельно изучались С.К. Шамбинаго, М.Н. Тихомировым, Л.Н. Пушкинаревым и М.А. Салминой⁵ именно как литературные памятники, как повести легендарного характера. Однако фольклорные элементы в этих повестях специально не анализировались.

Повести о начале Москвы лишь с большой натяжкой можно отнести к историческим преданиям⁶, хотя элементы легендарного характера в них несомненно, есть. Таковы легенды о происхождении самого слова «Москва». Над разрешением этой загадки ломают головы ученые вот уже четвертое столетие. В XVII в. польский хронист Кенсимер Кифич Рвовский выводил название «Москва» от имени шестого сына Иафетова Мосоха и жены его Кы, а название «Яуза» – от имени «первородного сына» Мосоха Я и «дщери прекрасной» – Вузы⁷. Этимология этого слова вошла в рукописное сказание о Мосохе, его можно найти, например, в Отделе рукописей Российской Государственной библиотеки (далее – ОР РГБ), в собрании Румянцева, № 2422. Авторы XVII в. стремились тем самым связать возникновение Москвы чуть ли не с библейской историей. И.Е. Забелин (вслед за Доленга-Ходаковским, он же Адам Чарноцкий) предположил, что слово «Москва» – сокращение «Мостквы», «Мостковы» – производного от слова «мост». В то же время уже авторы некоторых повестей о начале Москвы прямо указывали, что Юрий Долгорукий «... повелевает соделати мал деревян град, и прозва сго званием Москва-град, по имени реки, текущая под ним»⁸. Видимо, эта точка зрения и является наиболее убедительной. В русской истории мы найдем много примеров именовании города по названию реки, на которой он расположен (Полоцк – от Полоты, Витебск – от Видьбы, Свяжск – от Свяги и т.д.). Легендарны также и сказания об Игоре Святославиче как основателе Москвы. Это сказание имеется, например, в списке Отдела рукописей Государственного Исторического музея (далее ОР ГИМ): в собрании Уварова (№ 1308)⁹.

Но главным фольклорным мотивом в некоторых повестях о начале Москвы является, конечно, широко распространенное, восходящее к древним еще языческим временам предание об основании столичных городов «на крови». Именно так, по нашей повести, был основан Рим: когда начали строить Капитолий, то, якобы, «...обретоша главу внове заклана человека, нову и теплу кровь точашу и лице являющую к живым прилично»¹⁰. Находящийся при этом «некий искусным знамениям смотритель» объявил: это знаменует, что «сей град глава будет многим, но по времени, и по заклании, и по пролитии кровей многих». Равным образом это предание было распространено и на «второй Рим», т.е. на Византию (Константинополь). Ну, а так как Москва – «по пророческим книгам» и по распространенной теории старца Филофея – это «третий Рим» («а четвертому не быть!»), то и она тоже была основана «на крови». Рассказ об убийствах, сопровождавших основание Москвы, и составляет основное содержание наших топологических повестей.

Давно уже известно, что фольклорное представление о крови, якобы скрепляющей все дела и поступки, и судьбы человека, глубоко проникло в народное сознание. Мы встречаемся с этим мотивом не только в произведениях устного народного творчества

(в сказках, преданиях, легендах, быличках и проч.). Он проник и в художественную литературу («На ножах» Н.С. Лескова, или в программном стихотворении Н.А. Некрасова «Поэт и гражданин» – «...Дело прочно, когда под ним струится кровь»), да и до сих пор бытует в криминальной практике. Вот и в повестях о начале Москвы кровь льется рекой, о чем я и не буду далее говорить, это давно уже подмечено исследователями.

Рассмотрим лучше сказочные мотивы, в изобилии встречающиеся в повестях о начале Москвы. В одной из них действует некий великий князь с эпическим именем «Данила Иванович» (под которым, видимо, подразумевается князь Даниил Александрович!). Этот князь в поисках места для столицы своего княжества, в сопровождении некоего мудреца, гречина Василия, забрел в непроходимый лес и там, на пригорке среди болота, узрел огромного разноцветного трехглавого зверя. Мудрец Василий сказал: это видение означает, что на этом месте будет создан «град превелик, и распространится царствие треугольное, и в нем умножатся различных орд люди»¹¹.

Не правда ли, как напоминает это пророчество упомянутое выше при создании Капитолия!

В наших повестях упоминаются и легендарные библейские персонажи явно фольклорного склада, как, например, коварная филистимлянка, возлюбленная Самсона, Далила: она, как известно, за его беззаветную любовь и преданность выдала секрет его богатырской силы и предала его филистимлянам¹². Фольклорную окраску имеют и некоторые другие образы в повестях о начале Москвы, такие как злая жена Улита Кучковна, всеми правдами и неправдами добивавшаяся смерти князя Андрея Боголюбского. Ее образ настолько поразил миниатюриста Радзивиловской летописи, что он изобразил ее в сцене убийства князя, держащей отрубленную и кровотокащую руку мужа, хотя в тексте летописи этот сюжет и отсутствует¹³. Несомненно фольклорный характер носит и образ корыстолюбивого перевозчика через Оку, сумевшего получить обманом золотой перстень от князя за перевоз, но не выполнившего своего обещания.

Наконец, нельзя не отметить в некоторых повестях о начале Москвы введения в прозаическую повесть ритмически организованной речи, характерной для фольклорного языка. Так, в некоторых повестях встречается риторический вопрос:

Почему было бы на Москве царству быти,
И кто то знал, что Москве государством слыти?¹⁴

Отмеченный еще Н.М. Карамзиным «размер старинных русских сказок» был одной из причин, создавших широкую популярность повестям о начале Москвы: судя по исследованию М.А. Салминой, число их списков приближается к сотне, большая часть из которых относится к концу XVII в., когда, как известно, в русском обществе особенно возрос интерес к сказочным повестям.

Главное же, что следует иметь в виду при выявлении близости рукописной топологической легенды о начале Москвы к народному историческому преданию и легенде, заключается, конечно же, в том, что авторы рукописных повестей близки к трудовому народу по своему отношению к исторической действительности, по своей оценке и событий, и исторических лиц. Показатель фольклорности наших повестей не в том даже, что в них встречаются отдельные фольклорные мотивы (хотя сам этот факт и нельзя сбрасывать со счетов!), а в стремлении показать роль столицы в истории родной страны и народа, продемонстрировать народную гордость за то, что «...все христианская царства в конец доидоша»¹⁵, и вот одна Москва осталась оплотом христианства, стольным градом русского народа! Обратим также внимание и на то, что в повестях о начале Москвы не раз подчеркивается – и тоже в исконно народном духе! – что порок и злодейство будут наказаны, а справедливость восторжествует. Вот это внутреннее родство топологической рукописной повести с народным пониманием возмездия за совершенное злодеяние и дает нам основание рассматривать

повести о начале Москвы в ряду тех произведений древнерусской литературы, которые с самого начала своего возникновения были пересказом фольклорных сюжетов.

Сама тематика наших повестей предопределила тот факт, что большинство их списков дают представление о том литературном окружении, в котором бытовала повесть. Это преимущественно исторические и полуисторические повести, составляющие круг чтения книжника XVII–XVIII вв. Чаще всего в сборниках с повестями о начале Москвы соседствуют отрывки из хронографов и летописцев, выписки из различных статей о происхождении русского народа, сказания об основании монастырей (особенно часто встречается сказание о св. Софии), повести из Римских хроник. Литературные повести встречаются гораздо реже: это повесть о Юлиании Лазаревской, всевозможные притчи, повесть о хмеле и о пьянстве, сказание о белом клобуке и некоторые другие.

Чаще всего повести о начале Москвы помещаются в сборники или московского происхождения, или по содержанию связанные так или иначе с Москвой. Таков сборник, который хранится в Отделе рукописей Российской Национальной библиотеки в собрании Титова (№ 2759). В нем отрывки из Хронографа как бы предваряют историю о «начале Русской земли», а затем и историю о начале Москвы. В сборнике РГБ (собрание Румянцева, № 2422) о Москве говорится в связи с географическими известиями и сибирскими летописями. Сборник из собрания Забелина (ОР ГИМ, № 474) открывается известными «Словесами дней и царей и святителей московских...» Ивана Хворостинина, а за ними следуют записи о событиях, также преимущественно московских. Сборник того же музея – Синодального собрания (№ 153) в целом представляет собою московский летописец. Особенно интересен сборник из того же собрания под № 607: писец, переписывавший этот сборник, так пишет о себе в послесловии: «Снискася и написася книга сия тщанием живущего за Язую в Котельниках многогрешного иерея Николаевского Андрея Григорьева сына. И положися вкладом в обитель сию святаго великомученика Андрея Стратилата во веки неотъемлемо 1700 второго лета месяца иулия».

Тесно связан с Москвой по своему содержанию и один из списков Степенной книги, включающий в себя и повесть о начале Москвы. Этот список (ОР РГБ, собрание Румянцева, № 413) содержит такие записи о бытовании его в Москве: «197-го мая в 17 день Чюдова монастыря диакон Роман продал книгу Степенную царского родословия иконнику Максиму Федорову зачисто, а росписку писал я, Роман, своею рукою»; «204-го году августа в 19 день иконописец Максим Космынин продал книгу Степенную царского родословия Таганья слободы Василию Яковлеву зачисто, а подписал своею рукою»; «205-го году июля в 29 день Таганья слободы Василей Яковлев продал книгу Степенную царского родословия дьякону Андрею Иванову зачисто, и подписал я, Василей, своею рукою».

Такой четко выраженный московский характер сборников во многом объясняет причину включения в них повестей о Москве, имеющих в своей основе топографическую легенду об основании столицы Русского государства.

Судя по остальным записям, сборники с повестями о начале Москвы читались до первой половины XIX в. в различных общественных кругах – среди купцов, мещан, духовных лиц и крестьян. Вот примеры подобных записей: «Сия книга, глаголемая Цветник города Подольска купца Казьмы Покровского, его собственность» (ОР ГИМ, Собрание музейное, № 1961, л. 4); «Сия книга града Владимира купца Ивана Александра сына Ананьена» (ОР ГИМ, собрание Забелина, № 474); «Его высокопреосвященству г. митрополиту московскому и коломенскому всепокорнейшее прошение от строителя иеромонаха Самуила» (ОР ГИМ, собрание Уварова, № 1308 (670) и т.д. Последняя по времени запись относится к 1830 г.

Таким образом, можно вслед за виднейшим историком Москвы И.Е. Забелиным сказать, что «...эпоха начала Москвы была ... пропета народною песнию, былиною»¹⁶. Хорошо сказал о наших повестях И. Беляев: в них «дух народа» «олицетворил под

именем Москвы целый длинный ряд событий, послуживших ...закваской для образования Московского царства всея Руси»¹⁷, хотя, конечно, и преувеличивать историографическое значение подобных работ нельзя¹⁸. «Народное предание о князе Данииле» еще раз отметил И.Е. Забелин в своей «Истории города Москвы»¹⁹. Фольклорная основа повестей о начале Москвы несомненна.

Примечания

- ¹ См. об этом подробнее: *Адрианова-Перетц В.П.* Древнерусская литература и фольклор. Л., 1974.
- ² *Татищев В.Н.* История российская с древнейших времен. Кн. 2. М., 1973. Прим. 418.
- ³ *Карамзин Н.М.* История государства Российского. Т. II. СПб., 1818. Прим. 301.
- ⁴ *Буслаев Ф.И.* Местные сказания владимирские, московские и новгородские // *Летописи русской литературы и древностей*, изд. Н.С. Тихонравовым. Т. IV. М., 1862. С. 3–24.
- ⁵ *Шамбинаго С.К.* Повести о начале Москвы // *Труды отдела древнерусской литературы Института русской литературы (Пушкинский Дом) АН СССР*. Т. III. М.; Л., 1936. С. 59–98; *Тихомиров М.Н.* Сказания о начале Москвы // *Исторические записки*. Т. 32. С. 233–241; *Пушкарёв Л.Н.* Повести о начале Москвы // *Материалы по истории СССР*. Т. II. М., 1955. С. 211–246; *Салмина М.А.* Повести о начале Москвы. М.; Л., 1964.
- ⁶ Этому фольклорному жанру посвящено обстоятельное исследование: *Соколова В.К.* Русские исторические предания. М., 1970.
- ⁷ См.: *История русской литературы*. Т. 2. Ч. 2. Литература 1590–1690 гг. М.; Л., 1948. С. 251.
- ⁸ *Салмина М.А.* Указ. раб. С. 176.
- ⁹ Обзор точек зрения на происхождение слова «Москва» см.: *Тихомиров М.Н.* Древняя Москва (XII–XV вв.). М., 1947. С. 16.
- ¹⁰ *Салмина М.А.* Указ. раб. С. 174.
- ¹¹ Там же. С. 246.
- ¹² *Ветхий Завет. Книга Судей Израилевых*. XVI, 4–21.
- ¹³ *Салмина М.А.* Указ. раб. Рис. 4.
- ¹⁴ Там же. С. 176.
- ¹⁵ Там же. С. 173.
- ¹⁶ *Забелин И.Е.* Древности Москвы и их исследования // *Вестник Европы*. Т. I. Март. СПб., 1867. С. 380.
- ¹⁷ *Беляев И.* Сказания о начале Москвы // *Русский вестник*. Т. 74. Март. 1868. С. 5026.
- ¹⁸ См. об этом: *Платонов С.Ф.* О начале Москвы // *Библиограф*. СПб., 1861. № 5–6. С. 61.
- ¹⁹ *Забелин И.Е.* История города Москвы. Ч. I. М., 1905. С. 22–59.

L.N. Pushkarev. Folk Motives about the Foundation of Moscow in Novels of 17th c.

The article exposes the folk basis of novels about the beginning of Moscow. They were written in 17th century and included the retelling of legends of capital's foundation.